

Вертинская Анастасия Другие берега Анастасии Вертинской

Культура. — 2004. — 23-29 Дек. — с. 1

Анастасия Вертинская вновь появилась на театральной сцене в прошлом сезоне после пятнадцатилетней паузы. В пьесе М.Курочкина "Имаго" по мотивам "Пигмалиона" Б.Шоу она сыграла Элизу Дулиттл. Вернее, модификацию Элизы, потому что само "Имаго" — некий парафраз знаменитой пьесы, бессмысленный и беспощадный. О спектакле Нины Чусовой тогда писали много разного. И лишь в одном сошлись бесспорно: Вертинская была потрясающе! Молода, очаровательна, технически безупречна и отчаянно смела. Пятнадцать лет паузы, после чеховских, молюеровских и шекспировских женщин во МХАТе и Современнике, актриса превратилась в сущности, авантюрой, лихим антрепризным предприятием. Однако она сумела и украсить его, и заявить о собственном совершенно неисчерпанном артистизме. Ее знаменитые коллеги-мужчины, не скупясь на комплименты, дружно употребляют один и тот же эпитет: "мужественная". И это — в адрес едва ли не самой женственной актрисы и нашего кинематографа, и нашего театра. Однако приглядитесь — не таким уж он, этот эпитет, покажется неожиданным. Аристократическая хрупкость Вертинской, совершенная, чуть приправленная восточной специей красота никогда не служили у актрисы предметом эксплуатации. Ее игра во все времена, начиная с Ассоль (ей было во время съемок "Алых парусов" всего 15 лет) и вплоть до Эльмиры во мхатовском "Тартюфе" режиссера Анатолия Эфроса, являлась уникальным сплавом природной естественности и врожденного чувства стиля. Тут, конечно, порода, унаследованная от родителей: "русского Пьеро" Александра Вертинского и грузинской княжны Лидии Циргава. Тен, обусловивший не только внешние черты, но и некий особый духовный строй: с грустным флером эмигрантского Парижа, с изыском декаданса, с южной непокорностью характера, с природным знанием цены самой себе. В советском кинематографе такая актриса, конечно же, предназначалась на роли "иностранных". К таковым можно с равной степенью справедливости отнести и Гиттиере из "Человека-амфибии" и Офелию из "Гамлета". Разумеется, не по художественной значимости материала, а по загадочному очарованию облика. Советские девочки воспринимали Вертинскую не иначе как принцессу. Между тем комедия давалась Вертинской столь же точно и легко, как драма, сказка и даже трагедия. В спектакле англичанина Питера Джеймса "Двенадцатая ночь", шедшем в Современнике, она играла Оливию очень смешно. Но в компании своих блестящих и не менее смешных коллег она выделялась необыкновенной воздушной легкостью, грацией растерянного хрупкого существа. Вертинская как никто умеет сыграть жеманство, ни секунды при этом не жеманничая, лень и негу аристократки — не изображая, не "водевильничая", а только лишь свободно купаясь в том, что дано ей природой. Таковы и молюеровская Эльмира, и Мона в телефильме М.Козакова "Безымянная звезда", и даже Елена Андреевна в "Дяде Ване" О.Ефремова. В 80-е годы она покидает ефремовский МХАТ. Вместе с ней из театра уходит особый тип героини, где несоветский, небудничный шарм сочетался с вполне очевидной рефлексией отечественной интеллигенции. Вертинская дает актерские уроки в Оксфорде, в швейцарской киношколе, во французской Чеховской школе, играет в Комеди Франсез. На родине снимается в роли булгаковской героини в картине Ю.Кары "Мастер и Маргарита". Занимается наследием отца. Создает спектакль "Мираж, или Дорога русского Пьеро", где примеривает на себя отцовский облик. Тут вспоминается еще одно ее мужское преобразование: Ариэль и Просперо в замечательной эфросовской "Буре", игравшейся в 80-е годы в залах Пушкинского музея. Вертинская создает Благотворительный фонд русских актеров, пишет мемуары и сценарии. Ее упрямый бойкот сегодняшним формам актерского воплощения пока лишь однажды был нарушен дерзким выходом в "Имаго". Но припиливать Вертинскую, подобно ее героине на этой фотографии, пока не удастся ни одному из режиссеров.

Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Михаила ГУТЕРМАНА

А.Вертинская в сцене из спектакля "Имаго"